

3. Макаревич, Т. И. Heuristic Techniques in New Different Distance and Conference Interpreting Modes in Training International Law Undergraduates = Эвристические приемы в новых видах удаленного устного перевода и устного перевода в залах заседаний при подготовке студентов-международников / Т. И. Макаревич // Материалы Междунар. науч.-практич. конф. «Роль университетского образования и науки в современном обществе: к 100-летию БГУ» ; 26–27 февр 2019 г., Минск, БГУ. – С. 275–278.

Специфика экспрессионизма в австрийской литературе

*Камаева А. С., магистрант БГУ,
науч. рук. доц. Синило Г. В., канд. филол. наук, доцент*

Экспрессионизм представляет собой уникальное явление в мировой литературе XX в., соединяющее в себе черты течения, направления и стиля. По словам одного из его первых российских исследователей М. Н. Волчанецкого, экспрессионизм – «прекрасный измеритель “моральной температуры”» той социальной среды, в которой он зародился, получил развитие и пришел в упадок [1, с. 9]. С одной стороны, в нем нашло отражение наследие предшествовавших ему художественных направлений: романтизма, натурализма, символизма и импрессионизма; с другой же стороны, в экспрессионизме воплотилась та короткая эпоха, на протяжении которой происходили такие потрясшие общественные события, как Первая мировая война, распад нескольких империй и обострившая кризис социальных и межличностных отношений. Поэтому в качестве главных тем в творчестве экспрессионистов стали разрушение и гибель мира, отчуждение и одиночество человека, смерть и надежда на возрождение человечества.

Экспрессионизм в Австрии развивался параллельно и в тесной взаимосвязи с немецким вариантом этого культурного явления. Он также первоначально проявил себя в живописи, а именно в творчестве О. Кокошки, Х. Бёкля, А. Файстауэра, Г. Герстля, и быстро охватил литературу и другие виды искусства. Так же, как и немецкий экспрессионизм, австрийский вариант прошел три этапа развития (1905–1910 гг., 1910-е – начало 1920-х гг., 1920-е – начало 1930-х гг.), на протяжении наблюдалось наращивание тенденций, главенство и спад этого культурного феномена, трансформировавшегося в конце, по словам белорусского исследователя А. А. Гугнина, в «некую сумму отработанных (но и постоянно обновляемых) приемов» в творчестве писателей и художников [2, с. 25]. Однако, несмотря на сход-

ство в периодизации, а также в тематике и проблематике с немецким вариантом, австрийский экспрессионизм имеет присущие только ему особенности, причиной которых является сложная социально-политическая ситуация в Австро-Венгрии на рубеже XIX–XX вв.

Согласно теории российской исследовательницы Н. С. Павловой, первое и главное отличие заключается в «глубоком и своеобразном понимании жизни», сочетающем в себе две противоположные концепции: жизнь как «установленный и нерушимый порядок, как дар Бога» и как способный к изменениям и пластичности калейдоскоп событий и явлений [3, с. 9–10]. Следующая особенность нашла отражение в мультинациональном и мультикультурном характере Австро-Венгрии, на территории которой на протяжении многих столетий проживали и оказывали друг на друга влияние представители германских, романских и славянских народов, как объединенных под эгидой «габсбургского мифа», так и стремившихся к обретению национальной идентичности и независимости. Также необходимо отметить, что австрийский экспрессионизм формировался и развивался в специфическом литературном окружении, для которого и в настоящее время характерны принципы преемственности и сосуществования различных литературных течений, философских концепций, психологизма и тесная связь со славянской культурой. Еще одной важной особенностью австрийского экспрессионизма является многогранность, которая объясняется влиянием множества культурных центров (Вена, Инсбрук, Прага) и литературных кафе («Гринштайдль», «Централь» в Вене) и выражается и в венской утонченности, и в пражской оторванности от жизни и опоре на мистицизм. Последним отличием можно назвать ориентированность течений внутри австрийского варианта этого литературного направления: хотя, как и в Германии, писатели-экспрессионисты в Австро-Венгрии разделились на два лагеря, но причиной этому служила не отношение к политическим и социальным проблемам, а, как отметил А. А. Гугнин, «отношение к языку, к слову как первоосновному элементу литературы» [4, с. 27]. Поэтому в австрийском экспрессионизме можно условно выделить так называемые «верфелевскую» и «траклевскую» ветви, продолжавшие традиции барокко и Просвещения соответственно.

Таким образом, художественное направления экспрессионизма в австрийской литературе не только переосмысливает наследие предшествовавших литературных традиций, но и в большей степени полагается на синтез германской, романской и славянской культуры, глубокий психологизм и христианскую и еврейскую мистику. Через призму этих специфических черт австрийскому варианту экспрессионизма удастся по-особенному

отразить одновременно катастрофическое и полное надежд начало XX в. в Европе и во всем мире.

Литература

1. Волчанецкий, М. Н. Экспрессионизм в немецкой литературе / М. Н. Волчанецкий. – Смоленск : Арена, 1923. – 81 с.
2. Гугнин, А. А. Австрийский экспрессионизм / А. А. Гугнин // Энциклопедический словарь экспрессионизма / под ред. П. М. Топера. – М. : ИМЛИ РАН, 2008. – С. 25–29.
3. Павлова, Н. С. Немецкая литература / Н. С. Павлова // История всемирной литературы: в 9 т. / редкол.: Г. П. Бердников (гл. ред.) и др. – М. : Наука, 1983. – Т. 8. – С. 323–347.
4. Гугнин, А. А. Австрийская литература XX в.: статьи, переводы, комментарии, библиография / А. А. Гугнин. – М. ; Новополюк : Полоцкий гос. университет, 2000. – 208 с.

Способы универсализации женского опыта в сборнике Луизы Глюк “Meadowlands”

*Карпиевич А. А., студ. IV к. БГУ, Субот Е. Ю., студ. IV к. БГУ,
науч. рук. Бутырчик А. М., канд. филол. наук, доцент*

Присуждая американской поэтессе Луизе Глюк премию по литературе, Нобелевский комитет особо отмечает ее тонкое умение превращать индивидуальный опыт в универсальный: “for her unmistakable poetic voice that with austere beauty makes individual existence universal” [1]. Действительно, в поэзии Л. Глюк, дебютировавшей в жанре исповедальной лирики, автобиографические мотивы переплетаются с вечными сюжетами, а персональные травмы – с коллективными; многообразие голосов, представленное в ее творчестве, сливается в сложную симфонию тождественных сюжетных элементов, образов и аллегорий, формируя особое полифоническое повествование.

Значительная часть поэтического наследия Л. Глюк так или иначе посвящена исследованию травмы, частными случаями которой становятся, например, травмы потери близкого человека (сборники “Firstborn” (1968) и “Ararat” (1990), посвященные смерти старшей сестры и отца) и разрыва с мужем (сборники “Meadowlands” (1997) и “Vita Nova” (1999)). Кроме того, американскую поэтессу особенно занимают специфические проблемы, связанные с женским опытом: женская телесность и сексуальность, беременность и рождение ребенка. Литературное творчество становится способом рефлексии, последова-